А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

РЫЦАРЬ-ХРОНИСТ КОНЦА XI ВЕКА

В 1971 г. сотрудники группы всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР подготовили машинописный сборник своих трудов в честь 70-летия со дня рождения руководителя группы В. И. Рутенбурга (1911–1988), который назвали I Fiori e le Spighi – «Цветы и колосья»[1]. Позднее почти все эти труды, статьи, были опубликованы в печатных изданиях и стали общедоступны. Представленная в этом сборнике настоящая работа А. Д. Люблинской (1902–1980), однако, так и осталась неизвестной и не попала в список ее печатных работ. Текст подготовлен А. В. Федоровым, магистрантом НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), и В. В. Шишкиным, ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН.

Ключевые слова: А. Д. Люблинская, рыцарская анонимная хроника, XI век, первый крестовый поход, Южная Италия.

Поступила в редакцию 10.02.2026
Принята к печати 10.04.2026

KNIGHT-CHRONICLER OF THE END OF THE XITH CENTURY

In 1971, employees of the general history group of the Leningrad branch of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR prepared a typewritten collection of their works in honor of the 70th anniversary of the birth of the group leader Victor I. Rutenburg (1911–1988), which was called “I Fiori e le Spighi” – “Flowers and ears”. Later, almost all of these articles were published in different journals and became publicly available. But the present work of Alexandra D. Lublinskaya (1902–1980) remained unknown and did not fall into the list of her printed works. The text was prepared by Arkadiy V. Fedorov, a graduate student at the Higher School of Economics (Moscow), and Vladimir V. Shishkin, a senior researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Alexandra D. Lublinskaya, knightly anonymous chronicle, XIth century, First crusade, Southern Italy.

DOI: 10.7868/S0130086526020137

[1] Экземпляр хранится в отделе всеобщей истории СПбИИ РАН.

© Люблинская А.Д.

Жил на свете рыцарь бедный
...Духом смелый и прямой.

А. С. Пушкин

Таких рыцарей было немало в Крестовом походе 1096–1099 гг., походе, который потом стал называться Первым. В отличие от последующих он был единственным успешным. Поставленная цель освобождения «Святой земли» от турок оказалась достигнутой, и только его участников – рыцарей и крестьян – одушевлял подлинный религиозный энтузиазм.

Один из таких рыцарей вел в пути записи и по окончании войны положил свою рукопись у Гроба Господня в Иерусалимском храме, принес её в дар этому храму. Там её через два года видели – и списали для себя – другие хронисты, но имя автора ни им, ни причту храма было неизвестно. Навряд ли можно считать анонимным такой дар, если бы рыцарь остался в Палестине, как многие его соратники, имена которых записаны в памятниках того времени. Вернее, что он вернулся к себе на родину в Южную Италию, и если так, то и конец его жизни схож с судьбой пушкинского героя.

Несмотря на многие попытки, историки тоже не смогли установить его имя. Он вошел в историографию Крестовых походов как анонимный автор хроники «Деяния франков и других путников в Иерусалим»[2], или короче – Аноним (с большой буквы). В таком обозначении есть свой смысл: лишенный собственного имени, автор стал просто рыцарем, одним из многих рядовых «бедных» (в условном смысле этого понятия для низшего слоя феодалов) рыцарей, составлявших массу крестоносного воинства.

Источниковедческая критика извлекла из его труда много сведений по истории первого крестового похода. Был тщательно учтен и проверен весь сообщаемый в хронике фактический материал, проанализированы её структура и язык. Результаты оправдали эти усилия: хроника Анонима оказалась наиболее точной и достоверной среди всех повествований о Первом походе, чьи авторы заимствовали из неё основную массу фактов. Началось это ещё в Иерусалиме и продолжалось в Европе, где появилось несколько списков труда Анонима (судьба оригинала после 1101 г. неизвестна).

Что же можно сказать об авторе на основании его хроники? Меньше, чем хотелось бы, но достаточно для выяснения его облика, его национальности, его мнений и устремлений.

Термин «франки», вошедший и в заглавие его труда, стоит понимать так, как его понимали тогда (и после) в Византии и на Леванте – как

---

[2] Последнее издание оригинального [латинского] текста: Histoire anonyme de la Première Croisade / Éd. L. Bréhier. Paris: Honoré Champion, 1924 (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age, publiés sous la direction de Louis Halphen, № 4). Есть переводы на французский и английский языки.

синоним слова «крестоносцы». На протяжении всей хроники Аноним употребляет его для означения крестоносного войска в противопоставлении туркам, грекам, арабам. Поэтому встречающееся у него выражение «наши франки» относится ко всей армии и не может служить доказательством французской национальности автора.

Характерно, что на Клермонском соборе он не присутствовал и речь папы воспроизвел по слухам, очень неполно. Хроника начинается, в сущности, с момента принятия креста Боэмундом Тарентским, в отряде которого, состоявшем из южно-итальянских норманнов, наш рыцарь и отправился на Восток. Всех «ближних» рыцарей герцога Аноним перечислил поименно, в то время как для других отрядов назвал только вождей, добавив, что имен их рыцарей не знает.

Писал он, разумеется, по-латыни, но с очень простым синтаксисом (как, впрочем, и многие его современники). Нужно учесть, что южно-итальянские диалекты были тогда очень близки к вульгарной латыни поздней античности, доставшейся в наследство романским странам Средневековья.

Некоторые выражения Анонима прямо «переведены» с итальянского (напр., ante praesentium vestrum redire звучали на разговорном языке: alla presenzia vestra redire), а лексика изобилует южно-итальянскими диалектизмами, даже не всегда латинизированными (напр., tenda – палатка; solajo – верхняя площадка осадной машины; pedonei – пешие рыцари; merula = итал. merlo – шпиц крепостной стены и т. д.); слова gens, burgum имеют итальянский смысл – войско, предместье. Окружая этими сведениями основной факт пребывания Анонима в отряде итальянских норманнов, можно с уверенностью определить его национальность.

Каково было его образование? Он читал и правильно (т. е. без ошибок) писал на единственном литературном языке своего времени, так что нет оснований считать его полуграмотным рыцарем[3]. Наоборот, для западного рыцарства в целом, воспитанного преимущественно на устной культуре эпических поэм, рыцарских романов, лирики и церковных проповедей, образовательный уровень Анонима, несомненно, высок. Примечателен и сам факт написания им хроники – лишь через столетие появятся среди крестоносных хронистов люди светского положения, и пишут они уже не по-латыни.

Правда, перед нами отнюдь не произведение ученого клирика конца XI в. Евангельские и ветхозаветные цитаты (немногочисленные и всегда вложенные в уста других лиц) у Анонима приведены по памяти и не вполне точно; к тому же это всё тексты, часто употреблявшиеся тогда и в языке светского общества, так сказать, «общие места».

---

[3] *Заборов М. А.* Введение в историографию крестовых походов. М.: Наука, 1966. С. 39.

Один из современников, высокообразованный по тому времени прелат, архиепископ Бальдрик Дольский, весьма прилежно использовавший хронику Анонима для своего труда, пренебрежительно назвал её «простецкой книжонкой» (libellus rusticanus – настолько её немудреная латынь была несхожа с его собственным выспренним и цветистым языком[4]. Однако стиль Анонима своеобразен и не лишен известной привлекательности[5]), главное же, он – наряду с содержанием – снабжает нас впечатлениями о характере этого «прямого духом» рыцаря. Большей частью речь его объективна и очень спокойна, лишь изредка прорываются ноты горечи или восторга (см. ниже). Нельзя назвать её богатой образами, довольно часто встречаются повторения в описаниях сражений, но иногда поражают сильные пассажи, меткие сравнения: «Был же он [Боэмунд], защищенный знаком креста, подобен льву, голодавшему три-четыре дня, когда он выходит из своей пещеры, рыкая и жаждая крови, и вдруг набрасывается на стадо, разрывая разбегающихся овец». «Так быстро бежали они [турки], как несется стрела, пущенная могучим толчком тетивы и лука».

О своем положении и действиях в войске он прямо не сообщает ничего. Похоже, что это сознательное умолчание, а ведь в духе его соратников была похвальба своими рыцарскими подвигами и доблестью. Может быть, и в жизни, как в своей хронике, был он немногословен (она ведь невелика, автор солидной хроники назвал её, как мы видели, «книжонкой»)? «Молчаливый и простой» – пишет Пушкин о своём герое.

Зато все военные действия, маршрут, города, сельское хозяйство и цены на еду описаны с завидной точностью[6]. Рыцарь был, несомненно, человеком практическим, и цены для его нетуго набитого кошелька имели большое значение.

Нередко, рассказывая о какой-либо битве или о преследовании врага, он употребляет местоимение «мы» – очевидно, он принимал в них личное участие. Характерно, что до взятия Маарры (1098) это действия конных рыцарей, а после, по дороге в Иерусалим, – пеших. И ему пришлось испытать бедствия и лишиться коня.

Аноним всегда отделяет рыцарей от духовенства (например: «наши епископы, пресвитеры, клирики и монахи… вышли с нами… держа святые кресты и благословляя нас»). Весь аспект его хроники носит отнюдь не церковный характер, и этим она резко отличается от других. Об избрании патриарха он говорит просто: «подобным образом [т. е. так же, как Готфрида королем] избрали патриархом некоего… мужа Арнульфа». Рассказывая о страшной нужде, испытанной крестоносцами при осаде

---

[4] *Хвальков Е. А.* «Иерусалимская история» Бальдрика Дольского (пролог и начало первой книги) // Vox Medii Aevi. 2017. С. 254–272 (прим. А. В. Федорова и В. В. Шишкина).

[5] М. А. Заборов отмечает его «суровый несколько грубоватый реализм»: *Заборов М. А.* Введение в историографию крестовых походов. С. 91.

[6] *Заборов М. А.* Введение в историографию крестовых походов. С. 91–99.

Антиохии, он добавляет, как бы извиняясь перед читателем, что даже клирик (т. е. человек ученый) не мог бы дать о том полное представление, «но я всё же кое-что поведаю».

Одним из интереснейших моментов в хронике и биографии Анонима является его отношение к вождям крестоносцев и в первую очередь к Боэмунду Тарентскому. Наиболее трудную часть похода до взятия Маарры он проделал в его отряде, затем перешел в отряд Раймунда Тулузского.

Благодаря тому, что наш рыцарь записывал события за некоторые отрезки времени – всего в его хронике насчитывается восемь таких кусков – и по окончании похода не отредактировал свой труд, т. е. не пересмотрел его под углом зрения событий последнего года, мы имеем редкую возможность проследить перемену в его отношении к Боэмунду. Сперва это – настоящий герой, Рыцарь в полном смысле слова. Когда Боэмунд осаждает Амальфи и видит проходящее мимо крестоносное ополчение, он, движимый Святым Духом, снимает с себя драгоценнейшую мантию, велит разрезать её на кресты и раздать своим воинам. Затем он возвращается в Сицилию и «готовится к началу пути ко Святому Гробу». Таково торжественное вступление в Эпопею. Автор не чувствует рисовки в красивом и преднамеренном жесте, не знает о длительной военной и дипломатической подготовке участия итальянских норманнов в крестовом походе; он верит, что «могучий в брани» Боэмунд принимает крест по внезапным и идеальным мотивам. Истинные его намерения останутся для рыцаря скрытыми вплоть до взятия Антиохии, когда он разочаруется в своем герое и покинет его, движимый внутренним импульсом, более сильным, чем личная связь (у итальянских норманнов она еще не отлилась в то время в связь вассальную).

Но пока что Аноним награждает Боэмунда великолепными эпитетами, подчеркивает его храбрость и щедрость, его тактичную политику по отношению к греческому населению (запрет грабежа и насилий, дарование свободы пленным, захваченным в стычке с императорским отрядом, и т. д.), политику, не всегда одобрявшуюся другими вождями (Аноним упоминает о возмущении Танкреда). Но уже в рассказе о пребывании крестоносцев в Константинополе и принесении клятвы верности императору видно недовольство. В первый раз выражаются слова негодования и горечи за оскорбление идеальных стремлений – освобождения Гроба Господня – за смешивание их с корыстными расчетами. «Так что же они [вожди] в конце концов сделали? Вынужденные якобы необходимостью, они смирились перед волей нечестивого императора».

Но вплоть до взятия Антиохии Аноним не устает расточать похвалы Боэмунду за его военные подвиги и удачливую тактику, за уменье использовать обстоятельства. Взятие Антиохии – кульминационный пункт восхищения и удивления. Затем удивление принимает другой оттенок: Боэмунд напоминает вождям их обещание отдать ему город, если он

овладеет им при помощи хитрости. Раймунд возражает, напоминает о присяге, которую сам же Боэмунд посоветовал дать императору. Пока речь идет о последнем, Аноним ещё не чувствует себя задетым – мы знаем, как он отнесся к присяге. Но далее епископы и бароны заявляют, что из-за этого спора пострадает их общее дело – освобождение Иерусалима, и тогда граф Раймунд соглашается идти дальше.

Из хроники, составленной его капелланом, Раймундом Ажильским, известно, что вожди были согласны отдать город Боэмунду (для них это был всего лишь первый случай предвиденного дележа завоеванной территории), но Раймунд и сам рассчитывал на Антиохию и опасался значительного ослабления армии в случае, если Боэмунд осядет в ней; вынужден же был уйти, боясь возмущения войска, недовольного задержкой из-за споров. Действительно, после взятия Маарры Боэмунд окончательно отделился от крестоносцев и вернулся в «свое» княжество, а Раймунд остался с «паломниками» (peregrini). Так Аноним заключает свое повествование о Боэмунде: тот оставил крестоносцев и рыцарь его покинул, хотя, наверное, мог надеяться на какой-либо лен в богатом и обширном крае.

Его личное отношение к Раймунду определить трудно; везде он подчеркивает его руководящую военную роль, но всегда вполне хладнокровно и сухо. Похоже, что разочарование в Боэмунде распространилось у него и на всех вождей.

Отношение Анонима к грекам как к «изнеженному народу» (слова, вложенные им в уста мосульского эмира Кербоги) совершенно затушевано по сравнению с неприязнью, питаемой к императору. С самого начала тот появляется в хронике в неблагоприятном освещении: постарался поскорее отделаться от ополчения Петра Пустынника и радовался его поражению. Императору приписываются самые злодейские планы уничтожения крестоносного войска. Везде ему приданы отрицательные эпитеты – злосчастный, неправедный, злобный, лживый и т. д. Несомненно, что в данном случае Аноним является зеркалом, отразившим в себе настроение массы крестоносцев, сперва итальянских норманнов (чья ненависть к Византии была взращена уже многолетними попытками овладения ею, завершившимися первым крестовым походом), а затем и всего войска. Особенно это проявилось после взятия Никеи (1097), когда император запретил разграбить город и рыцари возроптали, требуя себе своей части добычи, а также во время осады Антиохии, когда рыцари не получили помощи от императора.

Всех христиан-некатоликов Аноним считает еретиками и спокойно повествует о том, как крестоносцы захватили в Пелагии некий замок и сожгли его вместе со всеми жителями, «сиречь сборищем еретиков». Впрочем, в целом отношение его к сирийцам и армянам скорее хорошее, ибо они были врагами турок, доставляли крестоносцам продовольствие и фураж, разведывали силы неприятеля, были проводниками в горах и т. д.

Врагов, т. е. турок, арабов, курдов, персов, Аноним объединяет под общим именем «язычников» (pagani), но его представление об их религии примитивно и порой превратно. Вообще его психологию в данном отношении несомненно разделяли рыцари – участники похода. Для всех них турки и прочие – враги христианства и их надлежит уничтожить. Они – «неверные», «проклятые», «отлученное племя», «вероломные», их воинский клич Аноним называет «дьявольским». В то же время он отдает должное храбрости турецких воинов и со свойственной ему прямолинейностью не только восхищается ею самым искренним образом, но и стремится объяснить её тем, что турки сами приписывают себе франкское происхождение: «Это естественно, ибо ни один человек не может быть воином, кроме франков и них [т. е. турок]. Эту правду никто не осмелится отрицать, и конечно, если бы они пребывали всегда тверды в вере Христовой, то не было бы [в мире] воинов более сильных, могущественных и изобретательных. И все же милостью Божьей они нами побеждены».

Таким образом, в своем искреннем желании аттестовать военные качества турок наш рыцарь, для которого воинская доблесть превыше всего, не стесняется произвести их в отпавших от христианства франков. Побеждены же они рыцарями-христианами, в этом и заключается разница между ними. Вообще мотив божественной силы, помогавшей крестоносцам и даровавшей им победу, проходит через всю хронику Анонима, но далеко не с такой навязчивостью и, можно сказать, мелочностью, как у хронистов-клириков. Его веру можно сопоставить со словами Жанны д'Арк: «наши будут сражаться с англичанами, а Бог дарует нам победу» (да и со многими другими аналогичными словами и мнениями чуть ли не до XX в.).

Чудес в хронике Анонима почти нет. Его здравый практический ум не нуждался в них для объяснения военных действий, которые он, человек военный, анализировал со знанием дела (за одним исключением, о чем ниже). Характерно, что он не поверил «чуду со святым копьем», сфабрикованному духовенством в самый тяжелый момент осады Антиохии. Не только сам не поверил, но записал, что не поверили и рядовые воины, «народ».

Но было и у него одно «видение, непостижное уму, и глубоко впечатление в сердце врезалось ему». Оно записано только в его хронике и касается битвы с эмиром Кербогой: «Спустилось тогда с гор неисчислимое войско на белых конях, все их знамена были также белые. Наши же, узрев их, не знали сперва, кто это был, пока не поняли, что это помощь Христова, а вождями были святые Георгий, Меркурий и Димитрий. Все это достоверно, ибо многие из нас видели их». Искренность рассказа не подлежит сомнению, но интересно, что автор счел нужным сослаться на многих свидетелей. Вероятно, такое «видение» можно было бы объяснить

в вольтеровском духе неким правдоподобием – ожесточенностью долгого сражения, усталостью взора в жаркой пыли, когда несколько всадников в сверкающих латах могли показаться в горном мареве целым войском и т. д. и т. п. Важнее другое – в данном (и, напомним, единственном) случае рыцарь не смог *объяснить*[7] благоприятный исход битвы с чисто военной точки зрения, и тогда пленила его версия о «Христовой подмоге», сложенная им и многими (или многими и им) у ночных костров после целодневного кровопролитного сражения с «отличнейшими воинами» – турками. Как мы видели, эти отличнейшие воины могли быть побеждены крестоносцами только потому, что последние были христианами. Так «видение» входит в общую идею объяснения успеха крестоносцев сверхъестественной силой. Рыцарь был человеком своего времени, но и многие последующие столетия мало что добавили в тех случаях, когда рассудок отдельного или коллективного лица пасовал перед необъяснимостью победы, поражения, успеха либо провала.

* * *

Небольшая «простенькая книжонка» (можно и так перевести слова libellus rusticanus, если снять пренебрежительный нюанс) неведомого рыцаря из Южной Италии – в первую очередь драгоценное свидетельство о фактах крестового похода. Трудно себе представить, насколько обедненными были бы наши знания, если бы не дошли до нас эти записи, сделанные по горячим следам и при незамутненной памяти. Но не менее ценны они и для восстановления облика одного из тех многих, кем были преодолены все трудности похода и достигнута победа. Оказалась она отнюдь не идеальной и непрочной. Поэтому-то и не было затем таких хронистов – простых бедных рыцарей, как наш и как пушкинский герой.

[7] Подчеркнуто А. Д. Люблинской.